

Владислав ЧЕРЕМНЫХ

Родился в 1958 году в городе Краснокамске, Пермский край. Инженер. Работал в нефте- и газоперерабатывающей промышленности, в японской корпорации.

Публиковался в «Дне литературы», «Литературной России», журнале «Волга–XXI век».

Живет в Перми.

«ИЗМЕНА»

* * *

27 февраля 1988 г. Суббота. Утро. Стрельбище 137-го Рязанского полка 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Снегом покрыто поле, вдали берёзовая рощица, а за ней поднималось февральское солнце. Просёлочная дорога уже грязная, и по ней ходили чёрные вороны. Вороны сидели и на торчащей из снега прошлогодней траве – много ворон, может быть, тысяча.

Короткие автоматные очереди разорвали тишину. Вороны шумно взлетели в светлое небо. Чёрная туча закрыла всходящее солнце, металась над полем, вязнув в ушах погребальным, тысячегорлым вороньим карканьем.

В неглубоких окопчиках лежали едва заметные на снегу солдаты в маскхалатах, в белых касках и стреляли по мишеням. Над снегом виднелись их розовые молодые лица. От дыхания в морозном воздухе поднимались струйки пара.

Серёга целил, зажмурил глаз – ствол, мушка, силуэт врага. Короткая очередь на раз, два, три:

– На!.. Ефрейтор Наговский стрельбу закончил!

По цепи раздаются крики товарищей: «...стрельбу закончил... закончил».

Строй фанерных врагов поредел и обречённо ждал своей очереди ткнуться в снег.

Отделение стрельбу закончило.

Серёга перевернулся на спину, посмотрел в небо, а там вороны.

«Сейчас обосрут», – подумал он и перевернулся на живот.

За стрельбой наблюдал прапорщик Николай Иванович. Ему было 27, но в полку к нему обращались не иначе как Николай Иванович. Величать его стали ещё в Афганистане, когда комбат обратился к нему перед строем – точно подошло. Николай Иванович легко подошёл к одному из бойцов:

– Автомат.

Боец отдал автомат. Николай Иванович встал на колено, привычным движением прижал приклад к плечу и с ходу влупил по одной за другой ещё не поражённым мишеням. Силуэты в касках опустились. Прапорщик оглянулся на своих бойцов. «Нормально», – подумал про себя, а вслух скомандовал:

– Отделение, становись!

Сам встал, автомат стволом вверх и всё как положено: оттянул затворную раму, осмотрел патронник, с характерным железным лязгом отпустил затвор, нажал спусковой крючок – магазин пуст, и на предохранитель.

Бойцы тем временем встали в шеренгу по одному. Холодно.

– Чо, замёрзли, рязане? Оправиться и греться. Разойдись! – скомандовал Николай Иванович и кинул автомат бойцу: – Учись, солдат.

Бойцы поставили автоматы в стороне пирамидой, кто-то толкнул соседа, тот ответил, ноги разъехались и бах в снег. Пружинистый, вёрткий Серёга Наговский, попрыгав на месте, прицелился в широченную спину одногодка Вахи – тот серьёзно наблюдал русскую равнину – и с разбегу толкнул его. Они вместе повалились на искристый наст, рычали, смеялись, засыпая друг друга розовым снегом. Потом Ваха вскочил, и понеслась лезгинка – в валенках, в маскхалате, только каску с подшлемником скинул в снег. Серёга сел по-турецки и отбивал ладоши.

– Давай Ваха! Давай! А... а... а!

Солдаты орали, били в ладоши, приплясывали кто как мог. Николай Иванович закурил, ушанку сбил на затылок – доволен парнями.

В небе, у самого горизонта, боясь подлетать ближе, металась чёрная туча ворон, и их хор никто не слышал.

* * *

*Сумгаит. Азербайджанская ССР. 27 февраля 1988 г.
Суббота.*

За праздничным столом через весь зал стандартной двушки по поводу двадцатилетия дочери Марины собралась семья Аванесян. Родственники радостно усаживались – стук стульев о пол, счастливый гомон, звон посуды, улыбки, поцелуи и слёзы. Отец Марины – ему уже под шестьдесят, но молодится, в кремовом костюме, – постучал ножом о фужер, и все притихли. Дядя Сурен открывал шампанское: раскручивал осторожно проволочку, обдирав серебристую фольгу, тихонько спускал газ. Все, особенно женщины, затаив дыхание, ждали. Наконец, он достал капроновую пробку – прямо как сапёр обезвредил мину и...

– Всё! Прошу бокалы!

Над столом смех, а дядя Сурен, как герой, разливает игристую жидкость по фужерам.

Отец Марины встал с поднятым фужером. Пауза. Все ждут, с нетерпением глядя на старшего, а отец смотрит на дочку.

– Доченька, – начал отец с чувством, – я хочу выпить за тебя, за твоё светлое будущее. Пусть тебе встретятся в жизни только хорошие люди. Учись, старайся, и у тебя всё получится, – отец расчувствовался, и даже глаза заблестели. – Мы с мамой так тебя любим!

Мать прижалась к руке мужа, кивает: так, так, будь счастлива дочка.

Звенят бокалы. Все стараются обязательно звякнуть с бокалом Марины, но тут радостный семейный шум прервал шум из-за приоткрытой балконной двери. С улицы раздавались крики сотен людей – не разобрать, что кричали, только «бах... бах... бах!!!» эхом разносилось над улицей.

Балконную дверь закрыли. Тётя Рая – жена двоюродного брата Марины, взволнованно стала рассказывать, как они ехали по городу. Фужер с золотистым шампанским колыхался над столом так, что Рая едва не полила шампанским соседей.

– Мы с трудом проехали. У вас в Сумгаите такое творится! Как это возможно? Вернёмся в Баку – всё расскажу. Везде демонстрации. объезжали да объезжали. Кругом люди, все в чёрном, много в чёрном.

Её спросили: а как у вас в Баку?

– Спокойно. Мы утром выезжали без проблем. Ещё Алик порадовался, что дорога свободная.

Муж поймал руку Раи и сказал тихо, по-семейному:

– Давайте выпьем за Мариночку.

Все посмотрели на отца. Тот посмотрел на жену, на гостей, на дочь.

– Счастья тебе, дочка!

Все выпили, а потом ещё, и разговор полился, и уже забыли про улицу и крики, но в семейный праздник ворвался звон разбитого стекла.

– Что там?! – отец возмутился, встал и начал пробираться между столом и диваном к балкону, жена только успела придержать полу его кремового пиджака, чтобы не угодил в салат. Отец вышел на балкон – там и остался. Гости сначала ждали, а потом и сами стали выходить.

По улице мимо их пятиэтажки двигалась чёрная людская масса. Слышались крики: «Армяне вон!...» и, как по команде: «Армяне, вон из Азербайджана!»

Марина выскочила весёлая – шампанское ударило в голову, и она закричала с балкона в толпу:

– Тогда долой азербайджанцев из Азербайджана!

Мать схватила Марину за руку и шёпотом:

– Тише. Что ты делаешь! Не кричи!

– А что? Я ведь тоже родилась в Азербайджане, и у меня такие же права, как и у них. Равноправные мы. Все равно ведь живем в Союзе.

Из толпы послышались крики: «Армяне, выходите, мы вас на огне зажарим!»

Тётя Рая совсем расхрабрилась – чёрт дёрнул её закричать:

– Чушки вы, чушками были, чушками и останетесь, никогда в людей не превратитесь.

Толпа завопила: «... Зажарим!!!»

Армяне стояли на балконе, молчали. Они, наконец, поняли, что всё уже не так, как было ещё вчера.

Сумгаит. 27 февраля 1988 г. Суббота. Вечер.

В вечерних сумерках шёл автобус. Над лобовым стеклом белела табличка – «Оргсинтез», а в правом нижнем углу была надпись – «Диспетчерский». Автобус шёл по графику по своему обычному маршруту, собирая вахтовых рабочих. За рулём сидел Александр Гамбарян, а рядом с ним, развалившись на сиденье у лобового стекла, дремал дежурный оператор «Оргсинтеза» Муслим. Они давно знали друг друга, друзьями не были, но, как все заводские, здоровались, и им от этого было хорошо. Александр заговорил первым:

– Мимо автовокзала ехал – там машины жгут. Орут, чтобы армяне убирались.

– Э... сам не знаю, как так. Говорят, свадьба была. Ваши ребёнка из автобуса выкинули. В Кафане убивают наших... Много говорят.

– Быть такого не может. Зачем так говорят?!

За лобовым стеклом на обычном месте показалась группа работников с завода – ждали автобус. Александр подкатил, открыл с пневматическим шипением передние двери. Женщины поднимались в салон молча, только одна (русская) весело поздоровалась:

– Привет, Саш. Здравствуй, Муслим.

Вошедшие расселись по местам, автобус тронулся. Муслим посоветовал Александру:

– Давай на Нариманова сворачивай.

– Что так?

– От греха подальше. На Дружке демонстрация.

Автобус катил по вечернему городу. Фары разрывали зимние сумерки, в их свет попадали голые деревья, кубы чёрных домов с горящими окнами, улицы. По стеклу покатались первые струйки дождя. Вот фары вырвали из темноты указатель: ул. Ленина. Дорогу преградила толпа молодёжи – человек сто. Размахивая флагом Азербайджанской ССР, чёрным, белым флагами, толпа орала: «Останови! Останови!» В лучах фар пассажиры увидели перекошенные ненавистью лица.

Александр притормозил. Двери стали сотрясаться от ударов ног и обрезков арматуры. Слышались крики:

– Армяне есть?! Выходи!!

Русская закричала Александру:

– Не останавливай, Сашка! Езжай! Езжай!

Александр нажал на газ. Муслим проорал в открытую форточку по-азербайджански:

– Нет армян! Не видите?!

Парни продолжали бить в борт проезжающего автобуса обрезками арматуры, швыряли камни. Заднее стекло разлетелось с шумом, следом боковое, в салон ворвался холодный ветер с улицы. Пассажиры только успевали закрываться от осколков стекла, женщины визжали. Александр переключил скорость своего заезженного автобуса и погнал по улице Ленина дальше от центра, к заводу. Разъярённая толпа осталась сзади в сумерках.

Перед клубом химиков, стуча каблучками, бежали две девушки: Марина-именинница и её подруга Анаит. Они бежали мимо афиши, на которой был нарисован океан, аквалангисты и написано: «Бездна». Девчонки бежали мимо автобусной остановки, а на дороге толпа была

стёкла автобуса, жгла покрышки, на место водителя кто-то швырнул бутылку с зажигательной смесью, и кабина пылала, освещая верхушки голых деревьев. Сполохи огня плясали в промозглых февральских сумерках, колыхались на стенах домов. Тут же, у расписанной стены остановки, несколько человек били мужчину – наверно, это был шофёр. Его били кулаками, а когда он упал, колотили ногами, арматурными прутьями и слышалось рычание толпы: «Карабах!», «Карабах!», «Карабах!»...

Девчонки бежали, чуть не падая. Анаит не могла оторвать огромных глаз от остановки. Марина шептал как заведённая:

– Не смотри... мы не будем смотреть... мы не будем смотреть.

Подружки бежали, но бежать было нельзя – ужас заморозил сознание, и в глазах у них стекленел страх. Голые кусты отделяли тротуар от убийства, и чёрные тени сквозь эти голые кусты глухо вонзались в человека. Подружек не заметили, не обратили внимания, и они пролетели.

Диспетчерский автобус «Оргсинтеза» в это время фырчал по пересекающей улице. Александр увидел девчонок, притормозил и открыл передние двери. Муслим высунулся из дверей и заорал:

– Давайте, давайте, давайте!

Обезумевшие девушки припустили к автобусу и на ходу, забыв про мокрый асфальт, кинулись одна за другой на подножку. Муслим помог им. Анаит он просто втопсил в салон за шиворот.

– Все? – Александр бросил взгляд в зеркало и втопил педаль газа, разгоняя автобус до последней его возможности, мотая пассажиров по сиденьям. Марина упала руками на пустое сиденье, всё засыпанное осколками стекла:

– Ай!

Муслим поднял её, а она лизала пораненную ладошку.

Автобус погнал дальше: мимо горящего «жигулёнка», мимо сгоревшего троллейбуса с обвисшими усами. Вахта прилипла к окнам – город стал чужим, и они его боялись.

Александр спросил подружек:

– Вам куда?

– Нам в 3-й микрорайон.

– На Лермонтова высажу.

Автобус остановился у поворота во двор. Анаит и Марина выскочили на асфальт и, прижавшись друг к другу, побежали к горящим огнями пятиэтажкам. Цок, цок – каблучки по асфальту, только не весело, а как-то рвано, как будто сердце дрожит, скребёт, срывается. Девушки вбежали в свой двор – чёрный квадрат неба в раме пятиэтажек, голые ветви деревьев. Из темноты за кустами белеет большая палатка – ветер хлопает белыми полотнищами. Девушки пробежали мимо палатки и скрылись в подьезде.

* * *

28 февраля 1988 г. 01:00. Воскресенье. Город Рязань, расположение 137-го полка 106-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Бойцы спали – бритые головы на подушках. Вахе не спалось – знал, что старички собрались отдохнуть в каптёрке. Он поднялся с койки, сунул ноги в тапочки и, зевая, пошлёпал мимо товарищей в светлый

проём открытой двери. Ваха прошёл по коридору мимо спящего у тумбочки дежурного, мимо полкового знамени, мимо фотографий героев части и свернул к туалету. Дежурный, намаявшись за день, похрапывал, раскрыв рот. Его голубой берет чуть не падал с откинутой назад бритой головы – мальчишка-первогодок.

Ваха, возвращаясь назад, остановился напротив спящего, встал, слегка ссутулив широченные плечи и, оттянув два пальца на левой руке, ка-ак влупил молодому в лоб. Берет повалился на пол, парень вскочил, глазами хлопает:

– Рота!..

Ваха вовремя заткнул дежурному рот и, прижав к стене, зашептал, так что в пот бросило дежурного:

– Поспи у меня!..

Отпустил первогодка и коротким, отработанным ударом – на, парню под рёбра. Тот, задыхаясь, согнулся над тумбочкой, а Ваха спокойно пошёл по коридору, свернул на лестницу и, шлёпая тапками, легко пробежал по ступенькам вниз, на другом этаже зашёл в каптёрку – заждались ведь.

В каптёрке дым коромыслом, собрались человек пять старослужащих, среди них был и Серёга. На столе графин с водкой, гранёные стаканы, открытые банки с тушёнкой и уже без, ломти хлеба и банка кабачковой икры.

– Мужики, разливаем! – скомандовал Серёга, увидев Ваху.

Вахе дали место за столом. Каптёр ловко достал откуда-то ещё стакан и поставил перед Вахой. Кто-то разливал уже в гранёные стаканы водку. Водка булькала из графина как родная.

– Мужики, домой хочу... За дембель! – Серёга поднял свой стакан. – Будем!

Парни пьют – этим уже есть о чём пить. Каптёр открыл ещё банку тушёнки. Кто-то жевал хлеб, намазанный икрой, кто-то задумался, не закусывая.

– Ты, Серый, что делать на гражданке будешь?

– Я в Ленинград... там придумаю... Сначала по крышам полазаю.

Кто-то из парней крутит пальцем у виска.

– А ты, Ваха?

– В Рязани останусь... в училище буду поступать.

Все:

– О-о!

* * *

Сумгаит, 3-й микрорайон. 28 февраля 1988 г. Воскресенье.

Халафяны стояли во дворе у белой палатки: Римма – вдова, вся в чёрном, дети, внуки, зятья, невестки, родственники и знакомые. Сегодня у них сороковины – умер старший Халафян.

– Сердце что-то давит, – пожаловалась Римма Тиграну – отцу младшего зятя.

– У меня нитроглицерин с собой, надо?

– Нет, потерплю.

Владимир – старший зять – с тревогой глядел на выход из их двора между двух пятиэтажек. Там топтались незнакомые люди, недобро смотрели на собравшихся армян.

– В городе неспокойно, – сказал Владимир, оглянувшись на тещу.

Римма твёрдо ответила:

– Помянуть папу должны. Столько людей позвали. Из Баку приехали.

Тигран положил руку на покатое плечо Риммы, прижал её к себе.

– Пойдём, Римма, к участковому ходим. Пусть милиция поможет.

– Да, пойдём, Тигран. Участковый наш в 7-м доме живёт.

Они пошли, а гости остались у палатки, женщины в чёрных платках расставляли поминальные угощения. Подходили новые приглашённые, соседи.

В это время, вернувшись с ночной смены, Александр Гамбарян завтракал с отцом и матерью на кухне. С улицы в открытую форточку доносился шум. После ночных волнений Александру хотелось просто тишины и выспаться, но шум с улицы колотил его по левой щеке, не давал есть, да и спать уже не хотелось. Александр бросил ложку на стол, встал и вышел на балкон. За сыном вышел отец. С пятого этажа их серой панельки площадь перед кинотеатром «Космос» была как на ладони. Отец с сыном стояли, опираясь на перила балкона, и хмуро смотрели на начало чего-то тревожного и неведомого. На площади стояли друг перед другом люди: чёрная толпа и солдаты внутренних войск со щитами и дубинками. С балкона не разобрать, что кричали, но было видно, как толпа колыхалась, бурлила и плескала градом камней по солдатикам. Камни бились о щиты, как о пустые вёдра, но иногда попадали в живое, и тогда солдаты отводили согнувшегося от боли товарища за деревья.

– Почему они стоят?! Пап! – спросил Александр у отца.

– Приказа у них нет.

Солдаты не выдержали и начали подбирать камни и кидать обратно в беснующуюся толпу.

– Как дети, – грустно сказала вышедшая на балкон мать, – смотрите, из гостиницы фотографируют.

– Это специалисты из ФРГ. Я их на «Оргсинтез» возил, – сказал Александр. Он, прикрыв ладонью глаза от солнца, разглядывал толпящихся на балконе гостиницы людей. – Как отчёт делают.

Вот солдаты всё же пошли теснить толпу. Чёрная масса стала отступать, но вдруг, как по команде, ошетибилась сотнями заточек из арматуры и вонзилась в солдатский строй – кололи щиты, вгоняли заточки снизу, под бронежилеты, а потом добивали согнувшегося беднягу, и уже не спасти его товарищам.

С балкона всё было видно – ненависть, кровь и соседские балконы справа и слева с ящиками под цветы. Как просто и невыносимо стоять вот так на своём балконе.

Вдруг на площадь ворвался грузовик, влетел прямо в шеренгу солдат. Кто не успел отбежать, упали на асфальт, ползли к газону, другие рассыпались в стороны.

Из машины десантировались крепкие парни с заточками и бросились на солдат.

Ребята-срочники ВВ и не видели ещё такого, побежали, бросая щиты. Один солдатик запнулся и упал.

– Что же делаете!!! – кричал Александр, вцепившись в перила.

А солдатика уже били арматурой не разбирая куда.

– Ох!.. Это что?!.Что делают?!. – выдохнула мать, прижав пальцы ко рту.

Часть озверевшей толпы развернулась и пошла в микрорайон, мимо дома Александра, по тротуару, под балконами. На ходу погромщики перевернули и подожгли мотоцикл. Слышались крики: «Армяне, выходите! Сожжём!!!»

– Что, советской власти совсем нет? – беспомощно шептал отец и тёр грудь там, где сердце.

Гамбаряны ушли в комнату и там встали посередине ковра, между стен, которые уже не были защитой. Первая заговорила мать,

– Давайте, гордость не надо проявлять. Зайдём к соседям. Там вон солдат бьют.

Толпа затекала во двор. Среди первых шёл мужчина в чёрном плаще и белоснежном шарфе – Чёрный плащ.

Навстречу толпе вышел участковый милиционер. Собравшиеся на поминки армяне стояли у палатки и с тревогой смотрели на своего участкового, который, пытаясь объяснить Чёрному плащу про поминки, в такт словам разводил руками и всё время оглядывался во двор, а Чёрный плащ что-то цедил сквозь зубы ему в ответ и руки держал в карманах. Милиционер, наконец, увидел, что толпа уже обступила его чёрным полукольцом, он последний раз обернулся на двор, к армянам, а в глазах его была такая тоска, что и без слов стало понятно бессилие власти, и женщины прижали к себе ребятишек. Участковый махнул рукой как согласный и побежал к Халафьянам.

– Пятнадцать минут, – запыхавшись, на ходу, говорил он армянам, – через пятнадцать минут никого не должно быть, уходите, – и сам побежал прочь.

Пауза, растерянные лица. Наконец, страх дошёл до каждого. Армяне бросились собирать со столов поминальную еду, ринулись с сумками, салатницами и хлебом кто в подъезды, кто в припаркованные машины – всё это на глазах готовой разорвать их чёрной толпы. Римма с родственниками спешили в свой подъезд.

Двор замер, мгновения растягивались во время, и песок кружил по асфальту. Понеслось! Чёрная, орущая масса вползла во двор. Погромщики крушили палатку, скамейки, столы. Белые полотнища мгновенно взвились лепестками огня в небо, и чёрный дым за клубился над двором. Обкуренные малолетки перевернули припаркованный у газона «жигулёнок», растеклись по двору, сопровождаемые треском горящего дерева, летящего пепла и запахом гари.

По узкой лестнице в тёмном подъезде Халафьяны бежали к своей двери на первом этаже. Римма дрожащими руками пыталась открыть дверь – ключ никак не попадал в скважину, а с улицы приближался вой толпы и топот сотен ног всё ближе, ближе.

Андрей, младший зять Риммы, поднял упавшую связку ключей и открыл двери. Халафьяны вошли в квартиру, заполнив малюсенький коридор, гостиную и встали. У Риммы слёзы потекли по щекам – в этой двушке прошла её жизнь с мужем: вот диван, и пианино, и ковёр на стене, который они покупали в очередь, на пианино – портрет мужа. Андрей запер дверь. Римма, обернувшись, сквозь слёзы попросила:

– Надо подпереть дверь.

– Они не зайдут в квартиру. Спокойно, – сказал Тигран и поставил на стол две бутылки водки.

Владимир положил на стол закуску, что успел взять с поминального стола.

– Ставьте, что успели забрать. Помянем папу.

На стол стали ставить тарелки с растрёпанной едой, в центр стола положили хлеб. Тигран ломал его и раздавал всем. Владимир разливал водку.

– Поставьте и ему, – сказала Римма, показав на портрет мужа с чёрной ленточкой.

Перед портретом поставили стопочку водки и хлеб на блюде.

Армяне подняли рюмки. Дети притихли, прижавшись к своим матерям, а из подъезда доносился топот ног, серая панелька дрожала как живая.

Вдруг страшный грохот с верхнего этажа потряс дом – словно сервант упал с посудой и женский крик:

– Помогите! Не нада-а-а!!!

– Это у Аванесянов. Марина кричит, – тихо сказала младшая дочка Риммы.

Напряжение прервал звонок во входную дверь. Все со страхом посмотрели на прихожую. Владимир поставил рюмку на стол и подошёл к двери.

– Кто там?

– Сабиргюль. Соседка. Дайте позвонить. Шурику-тромбонисту плохо.

Владимир открыл дверь и впустил соседку-азербайджанку.

– Телефон не работает. Не могу до скорой помощи дозвониться.

– Проходи. Телефон вон, на тумбочке.

Сабиргюль мельком поздоровалась со всеми кивками и, склонившись над телефоном, набрала на диске номер... в ответ короткие гудки. Их, кажется, слышат все.

– Тоже занято. Что делать? Шурика ударили. Плохо ему.

В это время со звоном разлетелось стекло на остеклённом балконе, следом стекло на кухне. Женщины завизжали, прижимая детишек к себе. Тигран спокойно сказал:

– Сабиргюль, скажи им, что тут нет армян.

Сабиргюль кинулась к разбитому окну на кухне и закричала толпе, стоящей на тротуаре, по-азербайджански:

– Нет тут армян! Они убежали... Нет армян, – потом оглянулась к Халафьянам: – Боюсь я.

Тигран скомандовал всем:

– Давайте в подвал. Соседка, ты побудь немного, пока все спрячутся.

– Одна не останусь. Не останусь!

– Я буду тут. Ты только кричи, что армян нет.

Сабиргюль кинулась к окну и на срыве заголосила по-азербайджански:

– Нет армян!!! Нет армян!!!

Владимир бросился на балкон, откинул половик и открыл люк в самодельный подвал под балконом. Армяне торопливо прошли в балконную дверь и спустились в лаз подвала. Всё это происходило в крайнем смятении, но никто не толкал друг друга. С улицы армян не увидели – занавески скрыли людей.

Андрей, перед тем как спуститься, схватил отца за плечи и прижал к себе:

– Отец, я останусь с тобой.

– Я с Сабиргюль уйду. Спускайся. Береги жену, – и оттолкнул Андрея к лазу, – идите. Всё обойдётся.

В квартире остались только Тигран и, продолжающая кричать Сабиргюль. Окна уже все были разбиты. Под ногами хрустело стекло,

валялся битый кирпич и галька. Тигран закрыл люк, постелил поперек половику и вернулся в гостиную.

– Сабиргюль, иди к себе.

Он взял отчаявшуюся женщину под руку и вывел в прихожую.

– Иди. Ты азербайджанка.

– Тигран, ты как?

– Я в спальне спрячусь. Иди.

Тигран отодвинул задвижку, открыл дверь, пропустил Сабиргюль на лестничную клетку и быстро захлопнул дверь.

По лестнице с криками спускалась толпа погромщиков, они волокли Черкеза – мужа учительницы с четвёртого этажа. Черкез был весь в крови, его рубашка была разорвана. Идущие выше толкали его в спину, погромщик, идущий ниже, сильно ударил Черкеза в лицо, и тот, размазывая кровь по белёной стене, упал вниз по ступенькам – прямо к ногам Сабиргюль.

Сабиргюль невольно опустилась на корточки к Черкезу – как давно они были знакомы.

– Черкез, – выдохнула она.

Погромщик, который только что ударил Черкеза, толкнул Сабиргюль, и та упала на бетонный пол, а парень навис над ней, и его чёрный кулак уже готов был разнести ей лицо.

– Ты армянка?! Армянка? Армянка?

– Азербайджанка я! Вот моя квартира.

– Скажи фындых!

– Фындых... У меня брат есть, Вагиф.

– Иди к себе! – чёрный кулак медленно опустился.

– Фындых, фындых, – продолжала шептать на смерть напуганная Сабиргюль.

Черкеза волокли за ноги вниз, его голова колотилась по ступенькам. На улице у подъезда Черкезу не дали встать, погромщики прыгали на нём, а потом какой-то малый колотил металлической миской ему по лицу – наверно, чтобы не разбить руку. У Черкеза на лице ничего не осталось.

Тигран поспешно убрал со стола рюмки, и только он успел выйти в спальню, как дверь прихожей с треском вылетела из проёма. В квартиру ввалилась толпа погромщиков. За первыми спокойно вошёл Чёрный плащ.

Портрет умершего беззащитно стоял на пианино.

– А... вот где сороковины. Они хлеб жрут! – заорал один из погромщиков.

Второй погромщик, совсем подросток, подскочил к пианино, схватил портрет и с размаху швырнул его на пол. Стекло искрами разлетелось по полу.

– Нет никого.

Чёрный плащ подошёл к пианино, распахнул свой плащ и сел на вращающийся стульчик.

– Посмотрите в спальне.

Погромщики кинулись в спальню и вытащили в гостиную Тиграна.

– Где все? Родственники где? – тихо спросил Чёрный плащ, поворачиваясь из стороны в сторону на стуле.

Тигран молчал. Ему почему-то казалось, что его, старого, седого, не могут унижить. Он смотрел на человека в чёрном плаще и пытался вспомнить, где же он видел этого щёголя – может быть, в горисполкоме?

Тиграна ударили ногой в живот, потом под колени, а дальше... дальше Тигран лежал на полу, молча, стиснув зубы – ни стоны, ни всхлипа, – только бы родные не услышали. Кровь текла на пол из разбитого носа. Краем глаза он ещё видел, как погромщики хозяйничали в квартире – посуда на пол, вещи на пол, книги на пол. Потом стало темно.

Из спальни вышел мальчишка, лет пятнадцать.

– Там больше никого нет.

– Под кровати смотрите. Эти крысы под кроватями любят прятаться, – распорядился Чёрный плащ.

Армяне стояли в тесном подвале плечом к плечу. Андрей порывался к лестнице.

– Пустите, там отец. Пустите меня!

Его остановила Ирина – жена, схватила обеими руками за плечи и шептала:

– Тише, они услышат. Папу увела Сабиргюль.

– А если он там? Если его бьют?

– Нет, он ушёл, – твёрдо сказал Владимир.

Послышался скрип люка. Кто-то вышел на балкон. Армяне притихли, все напряжённо смотрели вверх. Даже дети серьёзно смотрели на люк. Кто-то вышел на балкон, постоял на половике, прикрывавшем лаз, и вышел.

Тишина... и вдруг хлопнула крышка пианино, и забренчали по клавишам, и запели «Джуджаларым»: «Цып, цып, цып, мои цыплятки...» Римма стояла, обливаясь слезами.

На пианино играл Чёрный плащ. Погромщики орали: «Джип, джип, джуджаларым...»

Тиграна поставили на колени. Его хлестали по щекам, а сзади поддерживали, чтобы не упал. Старик не слышал песни, он думал, что забыл сказать Андрею, чтобы выкрутил лампочку в подвале – вдруг кто-то из этих щёлкнет выключателем на балконе.

В подвале было душно. Старшая внучка Риммы присела на корточки, младшую Владимир взял на руки. Стоявшая рядом с Риммой пожилая родственница широко раскрыла глаза, закусил губу чуть не до крови:

– Больше терпеть не могу.

Из квартиры доносился приглушённый говор:

– Ковёр скручивай... смотри, тут пальто с ламой.

Вдруг с улицы донёсся девичий крик, переходящий в хрип: «А-а-а!»

Андрей протиснулся к крохотному оконцу и посмотрел во двор через сетку.

В сумерках он увидел, как на середину двора толпа выталкивала Марину – её шипали, шлёпали, толкали, какой-то мальчишка пнул её сзади. Девушка шла уже молча, только ладонями закрывала лицо. Голова в растрёпанных чёрных волосах моталась от толчков из стороны в сторону. Вот и поляна у спортивной площадки. Марина встала среди одуревшей шпаны, закрыв лицо руками – жалкая и униженная... Но что-то вдруг изменилось, может, она вспомнила, что она армянка? Девушка подняла лицо к небу, а там серые тучи, крыши домов и балконы – на балконах люди. Лиц их она не видела, но знала, что все стоят и смотрят, как в театре.

– Натё, смотрите! Вот я, одна!

От подъезда дома напротив тащили парня – молодого, худого, в светлой, уже разорванной рубашке, и тут с тротуара встал человек – лежала

куча светлого тряпья и поднялась – это был отец Марины. Он шёл на беснующуюся толпу, едва переставляя ноги, его руки болтались плетями – сломаны были его руки. Отец упрямо шёл на толпу, и с каждым шагом у него тряслась седая голова... Его ударили арматурой, потом, уже на асфальте, били мёртвого.

Воспользовавшись тем, что толпа была занята расправой над отцом и дочерью, парень, которого вели убивать, оттолкнул державших его и побежал что есть силы из двора на улицу, мимо балкона, под которым хоронились Халафяны. Человек десять бросились его догонять. Они шумно пробежали мимо оконца, в которое смотрел Андрей – в лицо Андрею хлестнула поднятая ими пыль.

Андрей всё видел. Он ногтями скрёб кирпич на стенке подвала и выл: «Ггг...»

Парень вырвался из двора, побежал вдоль улицы. По дороге ехала милицейская машина – притормозила. Парень рванул к машине... как он хотел жить! Надежда дала ему сил – это было видно в каждом его шаге, в развороте плеч, в полёте рук. Жить!!! Он пролетел по газону, перепрыгнул через бордюр, схватился за ручку задней дверцы автомобиля... машина газанула и рывком ушла вперёд. Парень упал на асфальт – больно и страшно.

Его затащили во двор, к фонарному столбу – прямо напротив балкона Халафянов. В сумерках были видны только взмахи арматурных прутьев и слышны глухие удары. Появилась канистра... То, что осталось от человека, полили бензином и подожгли – пламя плескало по стенам пятиэтажки, вокруг стояли люди, сыпали в огонь сухие листья.

Балкон, квадрат оконца чернел под балконом, сетка, блеск глаз, страх.

* * *

Рязань, 28 февраля 1988 г. Воскресенье. Спортзал полка ВДВ.

Ваха пыхтел, лёжа под штангой. На матах возились несколько молодых, отрабатывали приёмы рукопашного боя – шутейно, скорее играли. Сержант в полосатой майке и трусах колотил ногой, как заведённый, по кожаному мешку. Серёга с Эдькой – первогодком осеннего призыва – играли в шахматы, разложив доску на гимнастической скамейке.

– Во-от, молодой, тебе и мат, – Серёга взял чёрную ладью и картинно поставил её напротив белого короля. – Ваш лоб, боец.

Эдька ладонью поднял чубчик и подставил Серёге свой выпуклый, без единой морщинки лоб. Серёга не торопясь оттянул два пальца:

– Щаз, чилим тебе.

Эдька зажмурился, ресницы дрожали.

– Ладно, – Серёга отпустил свои два оттянутых пальца и поставил пять коротких щелбанов, – живи, боец.

– Товарищ ефрейтор, почему увольнения сегодня не дали? – потирая лоб, спросил Эдька.

– Не-зна-ю ... Ещё партейку?

– Я лучше побегаю, – Эдька вскочил и быстро побежал вокруг зала.

– Догоню, твою мать! – незлобиво закричал ему вслед Серёга.

Эдька оглянулся и рванул во все лопатки.

Серёга аккуратно сложил фигуры в шахматную доску, положил её на подоконник и вразвалочку, словно ему было тяжело нести своё тело,

пошёл к матам. Мгновение, и он, сгруппировавшись, как кошка, сделал сальто и встал прочно на обе ноги уже на матах, содрал у одного из молодых боксёрские перчатки, надел, не завязывая, и пошёл навешивать удары всем подряд – кому в зубы, кому подсечку.

Все, кто был в зале, смотрели на развлекающегося Серёгу и смеялись.

В это самое время в спортивный зал зашёл дежурный офицер – командир разведроты старший лейтенант Александр Коноплёв. Старлей загорелся, как мальчишка, скинул ботинки, китель, зелёную рубашку и в офицерских брюках и полосатой майке запрыгнул на маты.

Серёга, не разобравшись (все в таких майках), перчаткой едва не захватил в зубы командиру. Но... тот ловко уклонился, потянул Серёгу за руку, да ещё и ногой поддел. С грохотом Серёга упал на маты.

Коноплёв снял с него перчатки, натянул на себя:

– Завяжи. Калоев, Подборцев, ну, и ты, Наговский, – на меня.

– Товарищ, старший лейтенант, мы только перчатки наденем, – испуганно предложил Эдька.

– Чего?!

Ваха, Срёга и Эдька встали вокруг Коноплёва – переглядываются. Начал Серёга, Ваха – чуть позже, когда Коноплёв парировал удар Серёги. Эдька, набрав воздух в грудь, прыгал вокруг, как молодой петушок, не зная, как подступиться.

Коноплёв превратился в гибкий стальной прут – минута, и Ваха и Серёга уже лежали на матах в нокауте. Эдьке прилетел поощрительный удар в челюсть, который кинул его на пол. Перчатки шлёпнулись на маты.

Коноплёв вразвалочку, довольный, подошёл к скамейке, обулся, надел рубашку, галстук, китель повесил через руку, посмотрел на восхищённых бойцов, а у самого глаза светятся – мальчишка:

– Тщательнее надо, – пошёл к выходу, оглянулся, а вслед ему смотрели мальчишки.

Коноплёв вышел из зала, пошёл по коридору к ленинской комнате, заглянул. За столом справа на «камчатке» сидел рядовой Сальников Иван – Ваня. Коноплёв зашёл. Ваня вскочил.

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант.

– Сиди... Что читаешь?

– Александр Блок, – Ваня сел.

Коноплёв уселся напротив рядового, ноги выставил в проход.

– Стихи о Прекрасной Даме? О доблести, о подвигах, о славе... Мне в школе тоже нравился Блок, только давно уж не читал, – Коноплёв взял книгу, начал читать там, где было раскрыто у Вани.

– «Двенадцать»?

– Товарищ старший лейтенант, вот как понимать: «пальнём-ка пулей в Святую Русь»?

– Ты комсомолец?

– Да... так точно.

– Тогда чего ж спрашиваешь?

– Так ведь Святая.

– И толстозадая. Не знаю.

– А вот ещё... – Ваня взял книгу у Коноплёва, быстро полистал и, найдя нужную страницу, передал томик Коноплёву. – Вот. Это самый конец: «...кто там машет красным флагом? Приглядишь-ка, эка тьма! Кто там ходит беглым шагом, хоронясь за все дома? Всё равно тебя

добуду, лучше сдайся мне живьём! – Эй, товарищ, будет худо, выходи, стрелять начнём».

– И что?

– Так ведь это Христос с красным-то флагом.

– Да помню... «в белом венчике из роз...»

Коноплёв сидел за партой, удивлённо смотрел на рядового и думал: а раньше-то почему я не задавал такой вопрос? Ведь проходили ж в школе и наизусть учили.

– Читай, воин, лучше «Незнакомку».

Коноплёв встал и двинулся к выходу... остановился, повернулся к Ване.

– Они стрелять в него хотели, а получается, Христос-то впереди... Их звал?!

– Да.

Коноплёв молча вышел.

* * *

Сеанс закончился. Из кинотеатра с горящей надписью «Дружба» выходили зрители и рассасывались по улице. Николай Иванович с Алевтиной неспешно шли мимо подсвеченной афиши: сине-зелёная гладь океана, аквалангисты. Летящим, рваным шрифтом написано: «Бездна» – как кровью. Шёл мягкий снег, наверно, последний в ту зиму перед оттепелью.

Алевтина прижималась к плечу Николая и всё хотела начать разговор, да не знала, с чего начать – о фильме говорить не хотелось.

– Вот и выходные прошли... Как быстро.

– А у Сашки Коноплёва их и не было.

– Опять дежурный?

– Мм.

– Как жена-то терпит? У них ведь двое ребятишек.

Алевтина и Николай встали на автобусной остановке. Снег заваливал их. Алевтина стряхнула снег у Николая с воротника.

– Ко мне?

– К тебе.

Подкатил автобус. Алевтина запрыгнула в заднюю дверь, Николай помог ей, зашёл и сам. Двери захлопнулись, и автобус покатил в пелену снега.

На комодике тикали часы, на стене – портрет Есенина, сквозь занавески заглядывал в комнату их город.

– Уже понедельник, – сказала Алевтина, глядя в потолок. – Давай летом поедем в Сочи или в Гагры? – Она прижалась к груди Николая. Он гладил её по стриженным волосам.

– Отпуск дадут – поедем.

– Вот не подрался бы в Фергане, обязательно б дали... Может, и со мной не лежал бы сейчас.

Николай обнял Алевтину свободной рукой – не по-медвежьки, ласково, как ребёнка.

За окном в свете фонаря, что болтался на фасаде общаги, летели снежинки, их становилось всё больше, они уже как стена.

Будильник показывал 0:30. В темноте слышалось тик-так, и секундная стрелка бежала по циферблату. Алевтина так и заснула, прижавшись

к груди Николая, а он не решался вытащить руку, ему было хорошо, и спать не хотелось.

Покой прервал продолжительный звонок в дверь – один, второй, третий.

Николай открыл глаза, бережно освободил руку, встал и, не включая свет, вышел в коридорчик.

Алевтина проснулась и сразу села на кровати, прижав колени к груди – ждала, пристально глядела на светящийся проём двери.

Из коридорчика доносился приглушённый разговор.

– Приказано быть на аэродроме, – по-военному твердил молодой голос.

– Сейчас буду готов, – ответил Николай.

Послышался шум воды из крана и плеск умывания.

– Товарищ прапорщик, я вас в машине подожду, – сказал вестовой.

Хлопнула входная дверь.

Алевтина молнией сорвалась с постели и бегом на малосемейную кухню. Чик – загорелся свет, задрезжала зажигалка, загремела посуда.

Николай вышел с полотенцем в комнату, Алевтина вышла к нему из кухни – стояли в свете кухни и прихожей.

– Куда?

– Не знаю.

Алевтина, спохватившись, командовала:

– Пей чай, ешь!

Они сидели за столиком. Николай торопливо ел бутерброд, запивая чаем. Алевтина, смотрела на него, лямка ночнушки сползла, почти оголив грудь.

«Только бы не Афган, только бы не Афган...» – про себя повторяла женщина.

* * *

29 февраля 1988 года, понедельник, 6.30.

В салоне самолёта был полумрак, протяжно гудели моторы, солдаты дремали – всё привычно как всегда. Момент, когда самолёт начал заходить на посадку, никто не объявлял, его почувствовали по изменившемуся гудению двигателей. Десантники прилипли к иллюминаторам, расплющив носы о стёкла, вглядывались сквозь облака в темноту. Вот облака стали уже вверху, под крылом чернела земля. Половину земли закрывал туман – ребята не знали, что это парил Каспий. На незатуманенной половине свинцовой корягой распласталась внизу река. Вот и город, кварталы с редкими огнями фонарей, знакомые любому россиянину кубики пятиэтажек и завод с колоннами в огоньках, и трубы.

– Где это мы? – спрашивал соседней Эдька.

Николай Иванович всматривался в проплывающие внизу улицы. Уже горели окна, торчали антенны на крышах, начиналось утро. Самолёт летел всё дальше, и незнакомый город остался за крылом.

На взлётном поле рядом с кунгом стоял командир полка полковник Хацкевич, офицеры полка. Незнакомый гражданский в кепочке вводил десантуру в курс текущей ситуации в городе:

– В городе уже третьи сутки идут погромы. Бьют армян. Больше 20 убитых... Причину не обсуждаем. Полк ВВ не справляется, на себя только погромщиков от армян отвлекли. Должны подойти морпехи из Каспийской флотилии.

– Кто руководит операцией? – перебил гражданского Хацкевич.

– Генерал-лейтенант Краев. Он назначен военным комендантом города.

– Что должен делать парашютно-десантный полк на БМД, с полным боекомплектом в городе? – забивал гвозди Хацкевич.

– Ваша задача – обеспечить порядок. Про боекомплект забудьте. Не стрелять!

В разговор вступил замполит:

– Нам рекомендовали опираться на дружинников, на рабочий класс.

Гражданский снял кепочку. Всем показалось, что он сейчас сомнёт её и вытрет усталое лицо. Гражданский после паузы сказал:

– В городе много «химиков». Рабочие общежития переполнены. Появились беженцы из Кафана – это как солома в костёр. Есть просто провокаторы. Местная власть бездействует. Опирайтесь, майор, только на себя.

– А как азербайджанцы? Ну, в массе?

– Заводские комсомолцы выводили армянские семьи... Были случаи. Соседи не пускали погромщиков в подъезды. Большинство смотрят. Им тут жить, майор.

– А как жить-то?

Гражданский перебил замполита и громко сказал Хацкевичу и всем офицерам:

– Владимир Фёдорович, полк должен знать. Не стрелять! Там наши соотечественники. Сейчас своим ходом выдвигайтесь к городу, встать на въезде до дополнительной вводной.

* * *

Коноплёв смотрел в окуляр прицела, через риски видел город.

– И где враг?.. Бляха-муха!

Рывком открыл люк и выпрыгнул на землю. Рота выгружалась, слышались команды на построение, строились в шеренгу по двое. Перед ротой встал Коноплёв.

– Мы в Сумгаите. Это Азербайджан. Здесь идут массовые волнения на межнациональной почве, грабежи. Азербайджанцы с армянами все никак не помирятся. Наша задача – успокоить, взять под охрану мирное население. Не стрелять! Это приказ. Сейчас, разойдись! Командиры взводов ко мне.

Солдаты направились к машинам. Коноплёв с командирами взводов расположился у своей БМД, развернул карту.

– Значит, так, мы стоим тут до приказа. Ждём.

– Без разведки тухло. Может, стоняю? – предложил Николай Иванович.

– С цветами встретят, – откликнулся один из командиров взводов.

Коноплёв провёл ладонью по карте:

– Пройдись со своими вот по этому квадрату. Улица Мира – посмотри на автовокзал. Микрорайоны 3-й, 2-й, 1-й. Потом сверните на Дружбы и по Лермонтова назад. Посмотрите, что там делается у станции скорой помощи и роддома.

– Есть.

– Николай Иванович, положение автоматов – за спину. Ты понял?!

– Так точно, – прапорщик пошёл к своему отделению, на ходу отдавая команду бойцам: – Отделение, на броню! Автоматы в положение за спину!

Десантники привычно забирались на броню. Николай Иванович запрыгнул последним. БМД газанула, выскочила на асфальт и полетела к городу. Навстречу десантникам попадались редкие прохожие, они останавливались на тротуарах, с удивлением смотрели вслед лихо сидящим на броне парням. БМД пролетела мимо сгоревшего троллейбуса – за троллейбусом, за бетонным забором виднелась промзона. На заборе было написано огромными чёрными буквами по-русски: «Смерть армянам!» Десантники глазели по сторонам, и не было в солдатских глазах ни ожидания опасности, ни страха, ни ненависти – только удивление. Вокруг был город, который заболел. На фасаде проплывающего мимо пятиэтажного дома зияли чернотой несколько оконных проёмов. Обломки деревянной оконной коробки нависли над улицей, стена вокруг чернела от пожара.

– Ё... Даже коробки выломаны, – жалобно сказал себе Ваня.

Впереди с левой стороны улицы за придорожными кустами чернела толпа, всё яснее были видны силуэты людей.

– Чуть притормози, – скомандовал Николай Иванович водителю в гарнитуру.

БМД замедлила ход. Собравшиеся были ещё сонные, не ожидали появления десантников и потому не успели выйти на дорогу. Несколько человек начали выходить, чтобы рассмотреть, кто же это едет на единственном «танке», да ещё так расселся на броне? На десантников из толпы смотрели налитые кровью глаза – анаша, водка, бессонная ночь и ненависть сделали своё дело. С БМД на толпу смотрели умные глаза их сверстников. Кто там перед ними?

В толпе какой-то мальчишка поднял руку и показал безымянный палец – парень нервно смеялся.

Десантники зорко примечали окружающую обстановку: куски арматуры в руках собравшихся, кучи приготовленного битого кирпича по краям дороги.

– Блин, подготовились. Пальнуть бы хоть в воздух, – ворочая спичку зубами, бросил Серёга. – Шпана.

Кто-то из толпы схватил обломок красного кирпича и, широко размахнувшись, швырнул в БМД. Камень, описав пологую траекторию, упал под колёса. Никто из десантников не ответил ни гримасой, ни просто кулаком – проехали мимо.

* * *

3-й микрорайон, 29 февраля, утро.

На газоне лежал перевёрнутый «жигулёнок». На асфальтированной площадке дымились скамейки, столы и остатки палатки. У кустов, что торчали вдоль спортивной площадки, сидела девушка – она поджала коленки к груди и дрожала всем телом. Одежды на девушке почти не было – только грязные лохмотья её вчерашнего именинного платья. Утренние прохожие отворачивались и делали вид, что спешат на работу. Им действительно надо было на работу, только их походки, лица

были уже другими и ребяташек, что вели по детским садам и яслям, они крепче держали за руки.

Со скрипом открылась дверь подъезда, и на улицу вышла Эмма со своей девятнадцатилетней дочкой Анаит. Всю ночь Эмма рвалась искать мужа – вскакивала, её усаживали, она вся в слезах сидела, раскачиваясь на табурете, потом снова вскакивала. Анаит обнимала её своими тонкими руками, усаживала, и они сидели тогда обе обнявшись. Так они просидели до молочного неба и вот вышли.

У скамейки рядом с подъездом лежал Черкез. Эмма не охнула, не побежала к нему – она почти сразу встала, упала на колени и, опираясь руками о землю, поползла к мужу. Своими ладонями она водила по изуродованному лицу, пыталась убрать присохшую грязь вперемешку с кровью и мясом, гладила седую, щетинистую щёку.

Анаит стояла над мамой и отцом, прижав руки к груди, – ни звука, только огромные чёрные глаза плескали слезами.

Черкез смотрел чёрными глазами вверх.

Из подъезда с чайником в руках вышла Ханум. Она присела рядом с Эммой и начала лить воду на окровавленный лоб Черкеза. Обе женщины смывали с лица убитого кровь и грязь.

Анаит села на скамейку, закрыла лицо руками и плакала, наклоняясь и выпрямляясь.

Девушка у спортивной площадки, хватаясь за сучья голых кустов, начала вставать. По тротуару в это время со смены возвращался Игорь Агаев. Он бросился к Марине, помог встать, а когда увидел, что она не может идти, взял на руки и понёс к скамейке, где были люди.

Анаит, увидев Марину на руках Игоря, вскочила и побежала им навстречу.

– Маринка! – вырвалось у Анаит из груди.

– Принеси что-нибудь надеть ей... Застыла она вся, – сказал на ходу Игорь.

Анаит, как-то высоко и неловко закидывая ноги, побежала к своему подъезду.

Игорь поднёс Марину к скамейке, усадил, отвернулся. Хлопнула дверь. Анаит со своим халатиком в руках выскочила из подъезда – вот, больше ничего не нашла.

Ханум с Анаит одели Марину. Игорь так и стоял, отвернувшись к панельке.

– Маловат халатик, – заметила Ханум. Она пыталась натянуть подол халата пониже, чтобы прикрыть исцарапанные бёдра девушки.

Эмма встала и медленно пошла по асфальтированной дороге, что отделяла подъезды от центральной части двора. Она смотрела на окна, на балконы, на задёрнутые шторы. Где-то показывались и в страхе прятались за занавесками лица. Эмма что-то говорила себе – упрямо шевелились её губы. И вдруг, словно что-то открылось в ней, пропали запреты и страх, она громко заговорила, обращаясь к домам, к окнам. Её слова гулко разносились по клетке двора:

– Соседи... мы же вместе жили. За что вы нас ненавидите? Мы вместе работали, вместе строили наш город. Скажите мне! Почему вы боитесь?!

Эмма шла вдоль домов, Анаит шла рядом с матерью. Двор был пуст, но сотни глаз смотрели на пожилую женщину, которая, пошатываясь, шла и обращалась к ним. Эмма встала, снова оглядела закрытые

окна, обернулась на здание школы, что стояло сразу за спортивной площадкой.

– Соседи! Вот в этой школе я учила ваших детей. Простите меня! Я плохо учила детей... Простите, – это она сказала почти шёпотом. Эмма закрыла лицо руками, седые волосы закрыли руки.

Анаит стало так жаль мать, так жаль, что просто прижала бы её к груди и спрятала бы ото всех. Девушке не было страшно за себя, просто ей было неловко стоять под взглядами сотен людей. Она обняла мать и повела к своему подъезду.

– Мамочка, пойдём... Зачем это... пойдём.

Эмма ещё оглянулась на дома, выпрямилась и громко, во весь голос сказала по-русски:

– Простите, простите... простите.

* * *

БМД с десантниками летела по городу. У въезда во двор разведчики увидели сгоревший мотоцикл.

Николай Иванович командовал водителю в гарнитуру:

– Сверни во двор после этого дома.

БМД свернула направо и медленно въехала во двор, пыхтя, встала у входа на спортивную площадку. Десантники спрыгивали на землю, осматривались.

– Шашлыком пахнет, – поведя носом, заметил Ваха.

– Точно. Откуда? – Серёга замотал головой по двору.

Николай Иванович привычно командовал:

– Наговский, бери двух бойцов и оставайтесь у машины. Остальные за мной. Пройдёмся.

Прапорщик с бойцами пошли к стоящим у подъезда людям.

– Кому ж как не Наговскому? – Серёга коротко свистнул, – Сальников, Подборцев, ко мне.

Эдька, Ваня и Серёга, остались у БМД, закурили. Эдька, глубоко затянувшись, обратил внимание на то, что темнело у фонарного столба, пошёл посмотреть, встал в паре метров. Серёга с Ваней тоже подошли к столбу, за ними подошёл и водитель БМД. Вдруг Эдька стал сгибаться, рывком отвернулся и с рычанием выблевал... снова и снова, громко, навыворот.

Николай Иванович с бойцами шёл к стоявшим у подъезда людям, те, не шевелясь, смотрели на солдат. Они уже перестали надеяться на защиту и потому забыли радоваться – смотрели, готовые ко всему.

– Здравствуйте, граждане, – бойко поздоровался Николай Иванович.

В ответ молчание. Анаит крепче прижала к себе мать. Её огромные, блестящие глаза горели надеждой: пусть их всего двенадцать, но они такие уверенные, крепкие, надёжные и... они русские, думала про себя Анаит.

Тишину разорвал голос Эммы:

– Где вы были?

Десантники не ожидали такого вопроса – они ведь выполнили приказ. Но перед ними на земле лежал изуродованный старик, на скамейке дрожала девушка с исцарапанным лицом, всё время одёргивавшая короткий халатик, и глаза людей с укором и ожиданием смотрели каждому в глаза, заставляя десантников опускать лица, словно они были

виновны. Николай Иванович увидел и уже не мог отвести глаз от тоненькой, как стебелёк, девушки, с завязанными в пучок воронными волосами и огромными, молящими о защите глазами. Анаит спрятала лицо за плечо матери.

– Солдаты, где вы были? – повторила Эмма.

– Мы не знали... Нас ночью подняли по тревоге, – не чуя языка, произнёс прапорщик.

Вглядываясь в балконы, Эмма сказала:

– Все смотрят.

Николай Иванович невольно тоже обвёл глазами серые фасады домов, и его взгляд остановился на дрожащей всем телом Марине.

– Ей нужна помощь. Мы отвезём её в больницу, – Николай Иванович взглядом приказал бойцам помочь. Солдаты было подошли к Марине, но та завизжала и схватилась руками за доску, из которой сделана была спинка скамейки.

Ханум прижала Марину к себе и гладила её кудрявые волосы:

– Не бойся, Маринка, это солдаты, они плохо тебе не сделают. Помогите ей, – сказала по-азербайджански Игорю.

Игорь взял девушку на руки и понёс к БМД.

– Там её отец лежит, – сказала Ханум солдатам по-русски и махнула рукой в сторону спортивной площадки, – он мёртвый.

– Есть ли ещё раненые? – спросил Николай Иванович.

– Они не выйдут сейчас.

Эмма сидела на скамейке, её как прорвало, она заливалась слезами. Анаит что-то тихо говорила ей по-армянски.

Николай Иванович вдруг осознал, что тут, не где-то в глухих горах, а в обычном советском городе, происходит то, чему он не находил названия, только чувствовал кожей спины, затылком – сзади опоры нет, только его бойцы.

– Не бойтесь. Сейчас в городе много войск. Мы защитим вас.

– Пожалуйста, не уходите, – попросила тоненьким голосом с армянским акцентом Анаит, – прошу вас. Не уходите!

– Они придут снова, – сказала Ханум.

– Кто они?

– Они...

Николай Иванович, его бойцы оглядывались по сторонам – кто мог быть тут сильнее их?

– Товарищ прапорщик, оставьте нас, – обратился к Николаю Ивановичу Ваха.

– Сейчас в полк... Не бойтесь, гражданочки. Мы вернёмся и вывезем вас в безопасное место. Как вас зовут, девушка?

– Анаит.

– Мы вернёмся, Аня. Я вам обещаю, – говоря это, Николай Иванович покраснел. Он смотрел на девушку и не мог оторваться от её прекрасных глаз.

Десантники спешно запрыгнули на броню, помогли усадить Марину. Игорь запрыгивал уже на ходу. Боевая машина газанула и покатила из двора, оставляя за собой синий дым.

– Где служил, братан? – поинтересовался у Игоря Ваха.

– В 56-й ДШ.

БМД встала перед крыльцом станции скорой помощи. Игорь с девушкой на руках и Николай Иванович скоро подошли к крыльцу, поднялись по ступенькам. Прапорщик дёрнул за ручку – дверь была заперта,

он нажал кнопку звонка раз, второй, третий... начал колотить кулаком. Наконец дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель выглянула уже немолодая медсестра и испуганно начала оглядывать Игоря с девушкой на руках, Николая Ивановича и спрыгивающих с «танка» десантников. Её худющая шея так вытянулась, что, казалось, отделила голову от туловища совсем.

– Зачем стучите?

Николай Иванович отодвинул медсестру, прошёл в больничный коридор. Следом прошёл с девушкой на руках Игорь.

К вошедшим, не торопясь, вышла врач – немолодая, в свежайшем белом халате и накрахмаленной белой шапочке.

– Что случилось? – спросила она с достоинством и без малейшего профессионального интереса.

– Вот, избили нашу соседку, – ответил Игорь, с трудом удерживая Марину.

– Она что, стоять не может? Поставь её.

Марина сама соскользнула на пол и попыталась встать, но оступилась и со стоном стала падать прямо на стоявшие вдоль стены стулья. Игорь с Николаем едва успели поддержать её и усадили. Испуганная, замученная девочка сидела у чистой казённой больничной стенки – одна. Ей было больно сидеть, но больше боли ей было стыдно, и она тихо плакала и всё время одёргивала Анькин халатик.

– Что ты тут свои ляжки показываешь? Срам. Не носила б такое безобразие, так и не случилось бы ничего, – врач прожгла Марину глазами и засунула руки в карманы своего халата.

Девушка вжалась в стул и смотрела в пол. Игорь молчал – ему даже вроде бы стыдно стало.

– Окажите помощь пострадавшей! – по-военному отчеканил Николай Иванович. – У вас через дорогу убитые лежат. Вы не знаете это?!

Врач внимательно посмотрела в глаза прапорщику.

– Командовать тут не надо. Вы не у себя.

Николай Иванович смотрел на накрахмаленную врачебную шапочку, покачивающуюся на голове врачихи в такт словам, и в его груди собирался кулак, готовый прошибить любую стену – он знал, что надо держаться, держаться... Врач увидела это, в её глазах появилось смещение, потом страх. Николай Иванович одёрнул себя, развернулся на каблуках и пошёл к выходу – гулко отдавались в пустом коридоре удары его берцев по метлахской плитке. У двери, вполборота, тихо, но ясно он сказал:

– Пострадавшей помочь! Проверим!

– Вас никто сюда не звал! Покиньте больницу! Убирайтесь! – визжала врачиха, компенсируя недавний свой страх.

Николай Иванович слышал эти последние слова уже на крыльце, сбегаая вниз по ступенькам.

– Заводи. В расположение. Гони!

БМД вылетела с больничного двора и понеслась по улице. Начал накрапывать противный зимний дождь.

Вдоль дороги стояли БМД и ГАЗ-66. Моросил холодный дождь, капли воды стекали по опущенным стволам пушек на землю, за техникой мокли зелёные палатки.

В офицерской палатке за столом собрались отцы-командиры: пили чай из эмалированных кружек, смотрели, как комроты играл в шахматы с Генкой Селюниным – командиром 2-й роты.

Зашёл Николай Иванович, ему дали место у стола.

– Что видел? Как атмосфера? – подняв белую ладью высоко над доской, спросил Коноплёв.

Товарищи смотрели на Николая Ивановича, ждали.

– Дирижирует кто-то тут. Кучи камней заготовлены по улицам. Заточки.

Ему налили из зелёного чайника горячего чаю, кто-то пододвинул початую пачку печенья «Артек».

– Промой кишки, Николай Иванович.

Он, обжигаясь, швыркал из кружки чай и вполголоса рассказывал:

– У автовокзала толпа. Малолетки обкуренные... Есть и взрослые дяди.

– Пострадавших видели?

– Да, – и замолчал, – надо бы роддом и станцию скорой помощи по Лермонтова прикрыть. Армян вывозить надо.

– Хацкевич к военному коменданту поехал. Ждём, – сказал Коноплёв и развёл ладони над шахматной доской.

* * *

Под дождём у трупа мужа и отца сидели на скамейке Эмма и Анаит. Покрывало, накрывавшее Черкеза, промокло, вода уже не накапливалась в его складках.

Из подъезда вышла соседка-армянка Валентина с дочкой Кариной лет пяти.

– Идёмте в дом. Замёрзли совсем.

– Не могу, – прошептала Эмма.

– Пойдём, мама.

Валентина с дочкой встали рядом.

Мимо по тротуару торопливо прошли мужчина и женщина – старались не смотреть.

Из-за угла дома выбежал Игорь и закричал, ещё не доходя:

– Скорее уходите! Снова идут!

– Как я его оставлю?! – взмолилась Эмма.

– Пойдём, мама.

– Быстрее, быстрее Эмма, – Валентина схватила Карину на руки и кинулась в подъезд.

Игорь, подбежав, тоже стал поднимать Эмму со скамейки и всё время твердил:

– Они ничего с ним не сделают... они ничего с ним не сделают. Сами спасайтесь.

Анаит наконец просто потащила мать за собой к двери.

Сразу, только их скрипучая дверь захлопнулась за подолом Эммы, во двор вползла чёрная толпа, заполнила спортивную площадку и, как будто уже знала куда, выбросила щупальца к подъездам.

По ступенькам спешила Валентина с дочкой на руках. Эмма с Анаит едва успевали за ней. Эмма вдруг очнулась от горя и рвалась подальше от входа в подъезд, хваталась руками за металлические перила и упорно подтягивала себя шаг за шагом. Не за себя Эмма боялась – она дочку спасти хотела.

На площадку им навстречу вышла Ханум:

– Идите ко мне. Я их не пушу.

– Спасибо тебе, Ханумка, – Валентина спустила Карину на пол и попыталась обнять азербайджанку. Та не стала обниматься, а подтолкнула Валентину с дочерью к своей открытой двери: – Заходите скорее. Скорее!

– Анаит, иди к Ханум! – выдохнула Эмма. Грудь её разрывалась от ударов сердца, и Эмма сказала это не надеясь, что её слышат.

– Мама!

– Я буду дома.

– Зачем! Мама!

– Со мной они ничего не сделают, Анаит, иди, – Эмма сильно толкнула дочь к двери. – Ханум, забери её!

Ханум завела Анаит к себе в коридор, а сама осталась на пороге и смотрела вслед уходящей наверх Эмме.

Эмма с трудом поднималась по лестнице – торопиться ей было незачем, на площадке напротив окна она оглянулась, кивнула Ханум и пошла к своей квартире.

В девятиэтажке напротив был один подъезд. Дорогу погромщикам у входа преградил высокий мужчина в тренировочных штанах и пиджаке, накинутом на майку.

– У нас армян нет! Не надо портить подъезд.

Мужчину окружили взбешённые молодые парни, они подошли вплотную и уже дышали ему в лицо. Чёрный плащ стоял в толпе, наблюдал.

– Ты сам не азербайджанец, – кричали мужчине.

– Что, не видите?! Вот, смотрите! – мужчина достал из пиджака паспорт, развернул его и показал сначала стоявшим рядом, а потом поднял над головой и показал всем. – Смотрите, я азербайджанец. Меня зовут Эйюб. Моя мать азербайджанка, мой отец азербайджанец, и я не пушу вас в мой подъезд.

Чёрный плащ протолкался к Эйюбу.

– Зачем шумишь, Эйюб. Я тебя знаю. Ты не хочешь пускать нас? Мы не войдём. Ты тут хозяин, и мы уважаем это. – Чёрный плащ повернулся к толпе. – Идите вон в тот дом. Там есть армяне.

Парни медлили.

– Идите! Идите!

Толпа медленно попятилась.

– Быстрее! – командовал Чёрный плащ.

Погромщики побежали к дому напротив. Чёрный плащ пошёл следом, обернулся к Эйюбу – улыбается.

В однокомнатной квартире Ханум было много армян: женщины, дети. Они заполнили всю комнату, сидели на стульях, на диване, на полу. Анаит стояла у окна, смотрела во двор. Ханум сидела у тумбочки с телефоном и, скорее для того, чтобы что-то делать, крутила диск телефона. Наконец, Ханум бессильно опустила руку с телефонной трубкой – короткие гудки, помочь было некому.

Вдруг раздалась страшные удары в дверь. Все вздрогнули. С лестничной площадки раздалась крики по-азербайджански:

– Ханум, открывай! – потом русский мат.

Ханум вышла в коридор, подошла к двери. Новый удар громыхнул ей в лицо. Женщина вздрогнула всем своим худеньким телом и зажала уши обеими руками. В дверь сыпались новые удары. Ханум почему-то сейчас вспомнила, как получала свою однушку, как сосед взрезал замок в эту дверь, как она красила её.

– Уходите! Уходите! Я вызвала милицию.

– Выгони армян, и мы уйдём.

– У меня нет армян.

– Открывай! Мы знаем, что у тебя есть армяне.

Снова загрели удары в дверь, и от косяка отвалилась штукатурка к ногам Ханум.

Ханум ушла на кухню. На глаза ей в раковине попался нож. Она бережно вытерла его полотенцем и с ножом в руках пошла назад. Когда она проходила мимо гостиной, увидела армянок, прижимающих руками к себе детей, а в коридоре выламывали дверь и на пол сыпалась штукатурка. Не чувствуя себя, забыв о страхе, Ханум вошла в коридор.

– Ханум, ты не азербайджанка. Мы тебя презираем, – орали из-за двери, слышался смех.

Ханум рывком отодвинула задвижку и распахнула дверь – стоявшие на лестнице отшатнулись.

В проёме встала худенькая, уже немолодая женщина, перед ней стояла толпа погромщиков, среди них стоял Чёрный плащ.

– Я азербайджанка! Вам нужна кровь? Возьмите мою, – Ханум провела лезвием себе по руке. Кровь быстро выступила по разрезу и струйкой потекла по руке. – У меня азербайджанская кровь. Вот! – Ханум бросила нож на бетонный пол, подняла окровавленную руку, шлёпнула ладонью по скопившейся на руке крови, потом провела окровавленной ладонью по лицу. – Я за Азербайджан кровь отдам! Убирайтесь!

Чёрный плащ плюнул под ноги:

– Дура. Идите на четвёртый этаж. Там армяне, – тихо скомандовал своим.

Толпа поползла наверх мимо Ханум. Худенькая женщина стояла у своей двери с вытянутой окровавленной рукой. Глаза её были как два чёрных сияющих камня.

* * *

Проходила погрузка роты Коноплёва. Сам Коноплёв с взводными шёл к уже рычащим БМД, на ходу давая последние указания:

– Задача – очистить улицу Мира. Взять под охрану банк, сберкасса. Нападающих разоружать.

– А что с ними делать дальше?

– Передавать взвэшникам.

– Стрелять нельзя?

– Не стрелять! Только в крайнем случае и не на поражение. Давай, мужики, по коням.

Взводные разбежались по своим машинам. Николай Иванович прыгнул последним, уселся привычно, уже на ходу под пушкой. БМД вырвались на асфальт и погнали по городу одна за другой. Мощь.

Снова мелькали знакомые дома. Вот и гостиница, а за ней площадь автовокзала.

Улицу запрудила чёрная толпа – они всё ближе, ближе, ближе. Что с ними делать? Как?!

Машины затормозили, десантники на ходу начали выпрыгивать с бортов и дальше бежали цепочками, прикрываясь бронёй.

Чёрная масса и не думала разбежаться. Слышались крики: на азербайджанском, на русском.

Когда десантники подошли на бросок руки, в них полетели заготовленные камни – удар, удар, удар о броню, камни катятся на асфальт.

Рядом с Николаем Ивановичем схватился за плечо боец, второй согнулся над асфальтом – всё лицо в крови, капли крови капают под ноги.

– Ближе! Ближе давай! – проорал Николай Иванович в микрофон своему водителю.

Из толпы полетели в БМД бутылки с искрящимися, как бенгальские огни, фитилями. Несколько бутылок разбились на корпусе одной из машин. Чёрный дам поднялся нал улицей, закрыл боевую машину. БМД дёрнулась влево и покатила на толпу – там вопли.

Водитель, весь в дыму, задыхаясь, пытался остановить машину, а вокруг сквозь чёрный дым плескало пламя, жгло глаза, руки. Парень уже на последнем дыхании навалился на рычаги. Машина встала. Чёрная вонь накрыла водителя... и всё, и нет уже солдата-срочника.

Николай Иванович в несколько прыжков оказался у БМД, с бойцами вытащил обгоревшего товарища.

Куда положить? – стучал в голове прапорщика простой вопрос. Он держал парня на руках, а вокруг надвигалась толпа и на асфальте, под колёсами лежали задавленные, слышались стоны, раненые отползали с дороги.

После первого шока протестующие начали оттаскивать с асфальта пострадавших, десантники помогали им. На мгновение даже показалось, что ожесточение ушло. И тут разнёсся крик по-русски: «Убийцы!» Крик повторяли уже сотни глоток: «Убийцы!!!» Толпу уже ничто не сдерживало, толпа озверела и пошла на десантников.

Эдька, Ваня, другие первогодки стояли с пустыми руками и растерянно смотрели в лица нападающих – таких же, как они, молодых.

Куски арматуры поднялись над толпой – бешеные глаза, перекошенные рты. Сейчас солдат сомнут. Вот сейчас.

Откуда-то из дыма, в самую середину, перед нападающими выскочили Серёга с Вахой. В руках они сжимали свои сапёрные лопатки, и в их глазах уже не было растерянности. Сапёрные лопатки появились в руках у всех десантников – мгновение, и началось бы побоище.

Автоматная очередь разорвала улицу. Николай Иванович, стоя на БМД, с локтя стрелял в воздух, гильзы сыпались на броню. Перехватившись, он дал очередь по фонарю, что высоко наклонился над дорогой, стёкла плафона посыпались прямо на головы тех, кто были внизу.

Несколько погромщиков – те, кто стояли ближе, сразу бросили свои заточки и повалились на колени.

В сопровождении двух автоматчиков почти вплотную к погромщикам вышел Коноплёв – автомат в руке, готовый сыграть и прикладом, и свинцом. Нет, Сашка бы никогда не сделал этого, но на тротуаре не сомневались – положит любого, кто только поднимет руку.

– Автоматы к бою! – разнёсся его приказ над площадью.

Мгновение, и ляг затворов загнипотизировал толпу.

– Холодное оружие на землю! С поднятыми руками строиться вдоль дороги.

Погромщики охотно бросали арматуру и с поднятыми руками становились там, где им сказали.

Стоящие сзади ещё попытались бежать, но путь им преградили десантники из других взводов.

БМД перекрыли проезды мимо дома с вывеской «Сберкасса».

У двери в учреждение курили Николай Иванович и Коноплёв.

– Вовремя ты пальнул.

– Лишь бы в ответ не начали. На поражение тогда, чо ли?

– Только в воздух. Прикладом или стволом.

– У нас щитов-то нет. Дотянись тут прикладом, – Николай Иванович бросил бычок. – Сань, микрорайон-то не прикрыт. Отпусти с отделением. Тут рядом.

– Нам приказано быть тут... Куда ты пойдёшь?!

– Там надо быть! – Николай Иванович махнул рукой на дома через дорогу.

Коноплёв молчал.

– Обещал я. Пусти!.. Один пойду.

– Бери первое отделение.

* * *

По лестнице спускалась совершенно голая Эмма. У неё было разбито лицо, седые волосы торчали клочьями. Она уже перестала прикрываться – шла строгая, сжав плотно губы. Так спускалась она этаж за этажом. Двери соседей были заперты – только крики и визг взбесившейся, идущей следом толпы.

Анаит стояла у окна гостиной и смотрела во двор.

Толпа вывела семью Даниелян: отца, мать и сына шестнадцати лет. Первым шёл отец, за отцом сын и последней мать. Мать подгоняли ударами в спину. Сын пропустил мать вперёд и пошёл последним, приняв удары на себя.

На балконах стояли глазающие соседи. Анаит видела их через стекло.

Погромщики первым ударили арматурой сына, потом ударили мать, отца. Обрезки арматуры мелькали в руках бандитов и беззвучно ударяли по людям. Даниелянов добивали уже на земле.

Из прямоугольника окна смотрели во двор укрывшиеся у Ханум женщины, они закрывали детям глаза руками. Огромные, полные слёз глаза Анаит смотрели во двор. Если б была рядом Эмма, она бы тоже закрыла глаза дочери.

Во двор из подъезда вытолкнули Эмму. Среди серого двора забелел её силуэт. Её вывели в самый центр – к спортивной площадке.

Анаит, задохнувшись, открыла рот. Как подхваченная ветром чёрная пушинка, она сорвалась, и уже ничто не могло её удержать – мелькали ступени, белёные стены подъезда, окна. Скрипучая дверь, распахнув выход, ударила о стену. Анаит вылетела на улицу, и двор пересёк крик:

– Мама!!!

* * *

По улице в колонне по двое бежали двенадцать десантников – в ногу, автоматы за спинами. Первым бежал Николай Иванович, замыкающими Серёга и Ваха.

Десанникам попадались прохожие, которые с удивлением смотрели им вслед, толпа молодёжи свистела и посылала матом – десантники бежали, не обращая внимания.

Анаит бежала через двор. Господи! Она никогда не умела бегать, и тут бежала, нелепо высоко поднимая ноги и размахивая не в шаг тонкими руками...

Её окружили. Её хватали, её рвали.

Фасады пятиэтажек, окна – в них лица. Балконы – на них соседи. Девичий визг. Канистра.

Объятая пламенем, живым огненным крестом, Анаит шла к лежащей на земле, истерзанной матери. Упала.

Через двор, с одеялом в руках, бежал Игорь – долго бежал, кажется, вечность. Рядом с Анаит он упал – кто-то поставил ему подножку. Игорь накрыл Анаит одеялом и так остался сидеть на коленях, сгорбившись.

Прямо на десантников вышла толпа – человек триста, лица в ненависти, в руках арматура, топоры. Отворачивать поздно.

– Отделение, шагом! – проорал команду Николай Иванович.

В две шеренги, став шире, шло отделение – пружинисто, собранно, нагло. Как раскалённый нож они вошли в толпу – толпа расступалась. Николай Иванович смотрел им в глаза – в глазах у погромщиков был страх, кто-то ехидно улыбался.

Десантники шли, шли, шли... только рука у кого-то дрожала на чехле сапёрной лопатки.

В толпе, за спинами, стоял Чёрный плащ. На него вопросительно смотрели: мол, пора начинать.

– Автоматы надо бы забрать, – спросил сосед по-азербайджански.

– Не надо.

Николай Иванович встретился взглядом с Чёрным плащом – тот спрятался за спины.

Так шли двенадцать бойцов, молча, пока не кончилась эта чёрная злая масса.

Ваха, обернулся к толпе, оскалив зубы. Серёга легко выдернул сапёрную лопатку из чехла и хрясь лезвием об асфальт – только отточенная сталь блеснула на свету. Лопатка вонзилась в улицу. Серёга наклонился, выдернул её из асфальта и вставил в чехол. Постояли, повернулись и побежали догонять ушедших вперёд товарищей.

Вот и знакомый двор. Отделение, сбив строй, уже бежало туда, где стояли люди. Николай Иванович встал рядом с сидящим на коленях Игорем, его бойцы встали рядом и у парней дрожали губы.

Поодаль, у Данелянов, склонились Эдька с Ваней. Ваня встал на колени перед подростком и накладывал бинт с ватой на сочащуюся кровью рану на плече.

Эдька подошёл к Николаю Ивановичу.

– Товарищ прапорщик, там трое. Мальчишка вроде жив.

– Скорую! Из-под земли. Бери Ваньку. Бегом!!!

Эдька увидел Анаит с Эммой, отступил на шаг. Ваня смотрел с колен, вытянув шею.

Наверно, тогда они стали воинами. Они знали уже, где была станция скорой помощи. Закинув за спины автоматы, они побежали из двора, и их бы не остановила и тысяча убийц.

Начал накрапывать дождь. Игорь всё сидел на коленках, поправляя одеяло на Анаит, с себя он снял пиджак и накрыл им Эмму. Из домов подошли к убитым несколько человек. Ханум принесла покрывало и накрыла им Эмму.

Десантники стояли и невольно смотрели на окна.

Балконные двери начали закрываться, окна затягивались занавесками.

* * *

Моросил дождь. Прикрываясь, чем только могли, или просто махнув на дождь рукой, к автобусам шли армяне – семьями и поодиночке. Люди несли с собой то, что успели схватить в последний момент: сумки, одеяла, рюкзаки. Люди помогали идти изувеченным.

Командир полка стоял, вытянувшись в струнку, губы сжаты, а глаза плакали. Рядом стоял гражданский в кепке, чуть дальше – Александр Коноплёв, другие офицеры полка.

Мимо шла семья Халафян. Андрей с женой помогали идти Тиграну – тот с трудом передвигал ноги. Лицо старого армянина было в синяках, голова перевязана кровящимся бинтом, седые волосы торчали над марлей.

Проходя мимо офицеров, Тигран остановился. Встали Халафяны.

– Русские, что же вы допустили?! – Тигран говорил, еле сдерживая слёзы. – Мы не советские люди? Мы советские люди! – Голос старика сорвался на плач. – Я воевал! Я под Новороссийском был ранен... Перестройка! Гласность! Вы в Москве не знали, что тут заточки на трубопрокатном делали? Что водку раздавали... не знали? Это гласность?! Не хулиганы тут, нет – тут измена! Измена!!!

Тигран сделал несколько шагов, снова встал, собрав последние силы.

– Выходные проводили. До понедельника ждали?!. Если о Сумгаите не узнают правду, – Тигран, собрав слюну пополам с кровью, плюнул на асфальт, – вот ваша демократия. – Тигран поднял к текущему серым дождём небу кулак и погрозил. – Плохо вам, русские, будет. Друг друга возненавидите и убивать будете.

Над площадью раздался женский вопль. Все посмотрели в сторону этого вопля.

Через площадь шёл солдат без щита и дубинки, его автомат был за спиной, каски не было, по щеке с головы стекала кровь, погон горел буквами ВВ. Солдат нёс на руках девочку лет четырнадцати. На девочке почти не было одежды, по ногам стекала кровь. Солдат прижимал девочку к груди крепко-крепко. Тонкая рука девочки болталась у солдатского ремня. Следом шла мать девочки в промокшем халатике и рвала на себе волосы. Волосы оставались у женщины на мокрых от дождя и слёз руках. Женщина останавливалась, будто что-то вспомнив, и тогда вопль раздирает всё небо.

Стояли офицеры, стояли солдаты, а им по сердцам хлестал этот вопль.

Стоял Николай Иванович – провалиться б, плохо было ему. Глаз отвести не мог – страшно, а не мог.

Опустив голову в землю, стоял Александр Коноплёв. Чуть больше года осталось жить старшему лейтенанту Александру Коноплёву. Не желая кровопролития, он встанет перед боевиками какого-то Народно-го фронта и предложит сдать оружие. В ответ получит пулю.

По улице мимо микрорайонов уходил из города десантный полк. Одна боевая машина остановилась у обочины. С брони прыгнул Николай Иванович и пошёл во двор. Он шёл через весь двор к спортивной площадке и встал там, где лежали Анаит с Эммой. На земле уже ничего не было видно – молодая апрельская трава закрыла всё. Николай Иванович снял берет, постоял с минуту, рассматривая каждую травинку, каждый комочек земли. Солнце пекло Николаю ему спину. Всё, пора домой. Он повернулся и, бросив последний раз взгляд на окна, пошёл обратно, зажав берет в руке.

На стене дома Николай Иванович увидел надпись чёрными большими буквами на русском: «Армян нет».

Солдаты стояли у машины, курили. Николай Иванович встал рядом, Ваха дал ему сигарету, Серёга дал прикурить. Вроде домой, а тошно.

– Я, товарищ прапорщик, вокзал в Душанбе не могу забыть, – заговорил Серёга, – как там наши?

Докурили, бросили окурки, и на броню. БМД зафырчала, выплонула синий дым и покатила дальше из города.

«АРМЯН НЕТ» – виднелась надпись на остающемся позади доме.

В Сумгаите, по официальным данным, было убито 32 человека. Количество изувеченных неизвестно. Единицы были осуждены за мародёрство, один приговорён к высшей мере, но и он давно на свободе.